

кромѣ поѣздокъ въ Москву, въ которыхъ я не могъ пріести ему никакой помощи и услуги. За то на охоту съ борзыми и съ ружьемъ онъ бралъ меня, какъ любителя и товарища. Когда онъ шелъ гулять, ѿхалъ верхомъ куда нибудь или ѿздила навѣстить своего роднаго брата, который живетъ въ тридцати пяти вёрстахъ отъ Ясной Поляны, онъ бралъ меня, если не для себя, то для меня, потому что зналъ какое мнѣ доставлялъ этимъ удовольствіе.

35 Въ 1866 году осенью Левъ Николаевичъ прїѣхалъ въ Москву съ цѣлью съѣздить и осмотрѣть Бородинское поле, на которомъ происходило знаменитое сраженіе въ 1812 году. Онъ прїѣхалъ одинъ и остановился у насъ. Онъ просилъ отпустить меня съ нимъ. Родители отпустили меня и восторгъ мой былъ неописанный. Мнѣ было тогда одинадцать лѣтъ. Мой отецъ предоставилъ Льву Николаевичу свою охотничью коляску и погребецъ. Дорога, не считая десяти верстъ по шоссе отъ города, была по гати *) и Левъ Николаевичъ очень беспокоился за экипажъ. Отѣхавши нѣсколько станцій, мы намѣревались закусить и тутъ увидѣли, что погребецъ и провизія были забыты; а сохранилась только маленькая корзина съ виноградомъ, которая была поручена мнѣ. Левъ Николаевичъ говорилъ: «мнѣ жаль не то, что мы забыли погребецъ и провизію, а то, что твой отецъ будетъ волноваться и сердиться за это на своего человѣка». На почтовыхъ лошадяхъ мы доѣхали въ одинъ день и остановились около поля сраженія въ монастырѣ, основанномъ въ память войны.

*) Гать—наславленыя бревна по болотистой мѣстности.